



Маленькая Жанна провела чудесный веселый день. Она была в гостях у своей старой бабушки, которая ее очень баловала. Там всегда бывало весело. Да и понятно, чего только ни делала старушка, чтобы позабавить свою любимицу. Она заводила для нее механическое пианино, на котором клавиши играли сами собой и, как живые, вспыхивали электрические фонарики, пускала в ход граммофон, певший, точно живой человек, водила по нарядным комнатам, уставленным фарфоровыми куколками, красивыми столиками и устланным шкурами зверей. Но больше всего Жанна любила смотреть бабушкины книги с раскрашенными картинками. Особенно одну. Там были удивительно нарядные мужчины и дамы в каких-то странных платьях и все с белыми волосами.

— Бабушка, бабушка, почему они все седые? А лица у них молодые, веселые?

— Они не седые, — отвечала старушка, — а просто была такая мода. И дамы, и мужчины носили белые парики или пудрили добела свои волосы пудрой.

— А что такое пудра?

— Ну, белый порошок такой, вроде муки, — ответила бабушка.

И Жанна долго смеялась и покачивала головкой. Ей казалось смешным, что люди могли для красоты сыпать на голову белую муку.

Но картинки ей очень нравились: дамы с тонкими талиями, затянутые, церемонные, мило улыбались, мужчины кланялись. На одной из картинок четыре пары нарядных кавалеров и дам танцевали какой-то танец.

— Менуэт, — сказала бабушка.

Жанна расспрашивала об этих нарисованных людях, и бабушка рассказала ей много о жизни того времени, в которое носили белые пудренные парики и налепляли на лица черные мушки.

Были у бабушки также и фарфоровые куколочки, похожие на беловолосых людей в книге. Они держали за ленточки белых барашков, улыбались, и казалось, вот-вот примутся танцевать.

Набегавшаяся, веселая, усталая Жанна вернулась домой с конфетами и сладостями и еле могла дожидаться той минуты, когда горничная Роза разденет ее. Пошатываясь от усталости, она бродила по своей спальне и даже плохо видела слипающимися глазами. Вдруг в полутемной комнате послышался легкий писк, и что-то метнулось из-под ног девочки.

— Ах, бедный Маркиз, я наступила тебе на лапку! Или это ты, Маркиза? Ну, извини меня, извини. — И девочка присела на коврик и стала гладить двух маленьких беленьких собачек-болонок, которых уже год назад ей подарила все та же добрая бабушка.

Собачки ласково вертели хвостами и лизали ее протянутые ручки, совсем забыв, что она нечаянно толкнула их и сделала им больно. Когда Жанна легла в постель, ее любимцы Маркиз и Маркиза тоже свернулись калачиком на двух темно-красных подушках, лежавших в углу комнаты. Хотя Жанна очень устала и ей казалось, что она хочет спать, ей долго не удавалось сомкнуть глаз и она невольно вспоминала все, что видела у бабушки, и при голубоватом свете ночника разглядывала свои старые и новые игрушки. Наконец, ее глазки сомкнулись и она стала засыпать сладким сном. Но вдруг в комнате послышался тихий шелест и шепот нежных голосков:

— Она спит, она спит и не услышит нас, — сказал один потоньше.

— Ну, так, значит, можно и потанцевать. Вы согласны, госпожа маркиза?

— Что это может быть? — подумала Жанна. Открыла глаза, приподняла голову с подушки и чуть не вскрикнула от изумления.

Пламя голубого ночника разгорелось как-то необыкновенно сильно и осветило комнату ровным, мягким, но очень ярким светом. И при этом освещении Жанна увидела странную картину: у противоположной стены, там, где была расставлена ее кукольная мебель, двигались две маленькие фигурки: нарядный господин и дама с тонкой талией в пышном платье. Жанна с любопытством разглядывала их. Они казались не выше пол-аршина, и на обоих красовались точь-в-точь такие костюмы, как на людях в бабушкиной книге, которыми она так любовалась. Крошечный кавалер был одет в белый атласный, вышитый серебром камзол, короткие панталоны, чулки и башмаки. Его маленькое личико окаймляли пушистые, белые, как снег, волосы, а на них сидела небольшая треугольная, расшитая галунами шляпа. Нарядное, тоже совершенно белое платье дамы было покрыто серебряными вышивками, а на ее белых волосах с левой стороны красовались рыжеватые перья. Талия ее была тонко стянута, пышное платье шелестело по полу. Она весело улыбалась кавалеру и обмахивалась веером из белых перьев.

— Итак, маркиза, мы начнем, — сказал маленький человечек.

— С удовольствием, господин маркиз, — ответила дама.

— Как странно, — подумала Жанна, — маркиза, маркиз! Ведь так зовут моих маленьких болоночек. И она пристально вгляделась в необыкновенную парочку. Удивительно: чем внимательнее рассматривала она их, тем больше ей казалось, что маленькие собеседники, как две капли воды, походят на ее любимых собачек. Между тем у них были настоящие человеческие лица и человеческие фигуры.

Вдруг заводной органчик, который в этот день ей подарила бабушка, сам собой заиграл, и под звуки музыки маленькие люди принялись танцевать грациозный старинный церемонный танец. Они сходились, расходились, кланялись друг другу, причем кавалер низко наклонял стан, а маленькая дама приседала перед ним, брались за руки, кружились, отступали, снова встречались. Как очарованная, Жанна следила за ними. Наконец, танец окончился. Заводной органчик перестал играть, и маленький кавалер подвел даму к кукольному дивану. Запыхавшаяся дама села, откинулась на спинку и стала обмахиваться красивым веером из перьев.

— Какой прекрасный, веселый бал устроили мы сегодня, — сказала она.

— Да, очень весело, — ответил он. — А между тем я уже боялся, что вы не будете танцевать, ведь наша маленькая хозяйка так больно придавила вашу ножку.

— Да, было больно. При всей моей любви к ней, маркиз, я не могла не закричать и не заплакать. У нее такие громадные ноги, и она так тяжела. Но я скоро забыла все. Я так ее люблю. Теперь мне уже не больно и, как видите, я могу весело танцевать.

— Вы очень ее любите, это видно, — заметил маркиз, — впрочем, и я всей душой предан ей, и когда она забывает поставить нам воды или принести кушанье, я даже в душе не могу ее упрекать. Она еще ребенок! Днем, в виде собачек, мы можем выражать ей наши чувства только вилянием хвоста или радостным лаем и визгом, но теперь, приняв наш настоящий вид, я смело скажу, что был бы готов умереть ради нашей маленькой госпожи.

— Я тоже, я тоже, — прибавила маркиза, прижимая руку к сердцу.

— Хорошо нам жить, — продолжал маркиз. — Днем нас ласкают, кормят, водят на прогулку, играют с нами, а ночью, приняв вид маленьких волшебных людей, мы танцуем и разговариваем.

— Да, да, нам хорошо. Многим настоящим людям живется гораздо хуже.

— Ну, что вы говорите! — заметил маркиз. — Все люди, у которых я был, живут так же счастливо, как наша Жанна. вспомните, как хорошо у ее бабушки. Там тоже большие нарядные комнаты, вкусные вещи, мягкие ковры, теплые печи, много слуг и служанок, словом, всего, всего вдоволь.

— Ах, как вы легкомысленны, господин маркиз! Вы думаете, что все живут, как бабушка нашей Жанны или как ее родители? Вот вы сами сказали: много слуг и служанок. А заметили ли вы, что слуги и служанки и здесь, и у бабушки живут совсем иначе, чем их господа? Ведь они целый день работают, делают не то, что им нравится, а то, чего от них требуют. А вы говорите — все люди

живут одинаково! Право, я не ожидала от вас такого легкомыслия.

— Извините, госпожа маркиза, я действительно не подумал о них.

— Да, слуги еще ничего, — продолжала маркиза, сильно обмахиваясь веером, — а вот здесь, в нашем же доме, в подвальном этаже живет целая семья. Бертран... Сегодня, когда Роза гуляла со мной, я взглянула в окно подвала и прямо в ужас пришла. Там на соломенном матрасе лежал человек с бледным лицом, больной. Он метался, стонал, хватался за голову, а кругом стояли его дети, плакали и ломали руки, но помочь ничем не могли. Старшему из них на вид было лет восемь. Он ходил в школу, но его взяли оттуда, так как отец потерял работу и заболел. Младшему всего три года, он жалобно пищал, плакал, протягивал руки к больному отцу и просил хлеба.

— А где же была их мать? — спросил маркиз.

— Она ушла стирать белье (их соседка так сказала Розе) и не могла вернуться раньше вечера.

— Да, это грустно, — заметил маркиз.

— А маленький мальчик, — продолжала маркиза, — который стоит на углу улицы, вертит ручку шарманки и заставляет танцевать своего худенького сурка! Когда в следующий раз мы пойдем гулять с нашей хозяйкой, посмотрите на него хорошенько. Я ничего о нем не знаю, но у него такое бледное изможденное лицо, такие печальные глаза! Он, наверное, плохо ест, живет в таком же жалком подвале, как семья Бертран, или высоко на чердаке с щелями, через которые дует холодный северный ветер. А старуха, продающая каштаны на противоположном углу? Стоит взглянуть на ее опухшие красные руки, чтобы понять, что ей редко бывает тепло и хорошо. Нечего говорить: людям часто приходится хуже, чем нам с вами, маркиз, а ведь мы только в волшебные часы делаемся человечками, все же остальное время остаемся маленькими счастливыми белыми собачками.

— Что делать, — сказал маркиз. — Мне очень жаль всех этих людей, но, к несчастью, мы с вами ничем не можем им помочь. Что говорить о печальных вещах! Если вы отдохнули — прошу вас снова на танец. На этот раз шарманка, наверное, заиграет гавот.

Маркиз подошел к заводному музыкальному ящику, крошечной ручкой дотронулся до него, и снова полились тихие звуки музыки, снова крошечные люди начали танцевать и кружиться. Развевалось белое платье маркизы, покачивались рыжевато-красные перья на ее голове, блестела вышивка на камзоле маркиза и золотая рукоятка его нарядной маленькой шпаги. Прижав руки к груди, Жанна смотрела на милую картину и не спрашивала себя, действительно ли ее белые собачки превратились в этих очаровательных маленьких людей?

Вдруг пламя ночника вспыхнуло необыкновенно ярко и тотчас же угасло. Аккорд звуков протяжно прозвенел и замер. В комнате стало темно, и Жанне показалось, что она летит куда-то вниз, вниз. Куда? Уж не в сырой ли и темный подвал, в котором на соломенном матрасе стонал больной, где плакали дети? Она крепко сжала веки... и когда открыла глаза, в комнате было совсем светло, солнечный луч пробивался сквозь оконную занавеску, и она спокойно лежала в своей мягкой белой постельке. Жанна тотчас же вспомнила про танцы маленьких нарядных людей, про их разговоры, про музыку, вспомнила все-все и быстро приподнялась, чтобы осмотреть комнату.

У противоположной стены была выстроена кукольная мебель, музыкальный ящик стоял на обычном месте, а в углу на темно-красных подушках лежали свернувшиеся калачиком белые болоночки и спали крепким сном.

Девочка быстро оделась с помощью Розы, потом, прежде чем идти пить утренний шоколад, налила собачкам свежей воды, ласково погладила их и стала пристально всматриваться в их мохнатые белые мордочки. Но она увидела только обыкновенных болонок с добрыми круглыми черными глазами, с влажными черными носиками и не заметила в них ничего человеческого. Их белая шерсть совсем не походила на пудренные парики и атласные одежды. Правда, над левым ухом маркизы виднелось небольшое рыжеватое пятно, но это был просто клочок шерсти, и Жанна удивлялась, как он мог ночью превратиться в такие красивые перья.

Сидя в нарядной столовой за чашкой вкусного шоколада, Жанна рассказала отцу и матери все, что она видела ночью, все, что она слышала от маленьких танцоров.

— Милочка моя, — сказала ей мать, — ты просто видела странный сон, а тебе показалось, будто все это случилось наяву.

— Но как же, мама, семья Бертран, о которой говорила маркиза? И потом все равно, видела ли я это во сне или действительно мои болоночки делаются по ночам людьми, я хочу, чтобы дети в подвале не плакали больше, а их бедный отец не мучился так от болезни. Мне также жаль шарманщика, который зябнет на улице, жаль продавщицу каштанов с опухшими красными руками. Позволь мне, мама, помочь им.

Позвали Розу. Она рассказала, что в подвале дома действительно живет очень бедная и несчастная семья Бертран, и в тот же день по просьбе Жанны всем, о ком ночью говорили маркиз и маркиза, была оказана помощь.

После этого Жанна часто ждала, не превратятся ли ночью ее болоночки в красивых маленьких нарядных людей, но этого не повторялось. Собачки спокойно спали на подушках, и Жанне так и не удалось еще раз услышать их разговоры. Однако то, что она узнала от них в памятную ночь, навсегда запечатлелось в ее добром сердечке, и она никогда не забывала, что на свете есть люди страдающие, нуждающиеся, принужденные жить не так, как им хотелось бы.

